

ИНСТИНКТ ВОЙНЫ

Светлана КВАСНЕВСКАЯ

Развязывать войны политиков заставляет вовсе не жажда власти или денег, не высокие идеи, а обычные животные инстинкты — ведь все наши братья меньшие, от муравья до обезьяны, периодически выходят на тропу войны, развязывая не менее великие сражения, чем люди. «Огонек» решил выяснить, каковы звериные правила ведения войн и могут ли люди чему-нибудь научиться у солдат-животных?

Незадолго до начала Второй мировой войны Альберт Эйнштейн как-то спросил у Зигмунда Фрейда: есть ли у войн какие-то подсознательные, иррациональные причины? Классик психоанализа подумал и ответил: в истории человечества вообще нет ни одной войны, развязанной по каким-либо разумным и объяснимым причинам. Напротив, в основе всех войн лежат самые примитивные инстинкты агрессии и разрушения, а вот все формально заявленные причины—расовые, экономические, религиозные, идеологические—всего лишь словесная шелуха, красивая обертка, призванная замаскировать приступы страха, агрессии и склонности к насилию и убийствам. Однако—вот парадокс!—до недавнего времени право на реализацию этих звериных инстинктов признавали только лишь за человеком, обладающим разумом и свободной волей. Считалось, что ни одно животное не способно на столь бессмысленную жестокость, как война. Но нет, выяснилось, что и в этом отношении человек немногим отличается от животного мира. Причем далеко не в лучшую сторону.

ТОРМОЗ ДЛЯ ЗМЕИ

—Если под войной мы понимаем агрессивные коллективные действия, то ответ однозначен—все животные воют,—утверждает профессор Виктор Дольник, главный научный сотрудник Зоологического института РАН.—Но все же подавляющее большинство случаев—это нападение или отражение атаки между разными видами. Если же мы говорим о войне, как о коллективной агрессии против своего же вида, то, как правило, у животных стычка «со своими» происходит с соблюдением запретов на смертоносное оружие.

Более того, чем лучше природа вооружила животное, тем меньше оно себе позволяет «вольностей» с использованием зубов-когтей-яда против сородичей, тем надежнее работают биологические тормоза. Так, неядовитые ящерицы в схватке могут куснуть неприятеля за шею, зато снабженные «химическим оружием» змеи, к примеру гремучники, выясняя отношения, не смеют раскрыть пасть—мораль не позволяет применять яд к ближнему своему. Змеиные поединки бывают настолько корректны, что зоологи долгое время не могли отличить их от брачных танцев.

—Это легко объяснить, ведь многие звери—очень квалифицированные убийцы,—говорит зоопсихолог Андрей Тупикин с биологического факультета МГУ.—Если при каждом конфликте они будут использовать данное им от природы оружие,

то они довольно быстро уничтожат свой вид. Соответственно, чем лучше животное вооружено, тем больше выражение агрессии к своему виду переходит в ритуал—враги принимают устрашающие позы, шипят, надуваются, показывают огромные клыки. Демонстрация «арсенала» вызывает у противника страх, велик шанс заменить физическое столкновение, опасное для обеих сторон, психическим противостоянием. Кто первый сломается—тот проиграл эту войну. Без ущерба для жизни, здоровья и популяции.

Следуя этой логике, получается, что ядерное оружие является лучшей гарантией против войны, которая ограничится лишь «ритуальной схваткой»—политическими переговорами с множеством угроз и демонстрацией собственных преимуществ. Но не все так просто.

—Изобретя оружие, человек очутился в положении, когда он может быстро и без труда убить противника, а оставшимся слабым врожденным запретам его не остановить,—говорит Виктор Дольник.—Мы стали редкостным явлением в биосфере: вид, страшный и смертельно опасный для себя самого.

Отчего же «врожденный запрет» на убийство у человека слабее, чем у гепарда или какой-нибудь кобры? А все дело в том, что в своем натуральном виде Homo sapiens—очень слабо вооруженное животное. У человека нет ни ядовитых клыков, ни острых когтей, а вот ядерные бомбы, ракеты «Град» и тяжелые танки в программе сдерживающих инстинктов просто не предусмотрены. Следовательно, и тормозов на выражение агрессии человеку природой отпущено меньше.

ПРАВИЛА БОЯ

—В животном мире, в отличие

от человеческого, нападение не всегда связано с агрессией и, следовательно, с войной,—говорит Андрей Тупикин.—Если волк поймал зайца и собирается его съесть—агрессии у него к жертве столько же, сколько у нас к колбасе в магазине. Агрессия всегда состоит из двух компонентов—это злость и страх. Если убрать один из компонентов, драки скорее всего не будет.

На первом этапе противники, пугаясь сами, пытаются друг друга напугать своими формами, звуками, позой и, если понадобится, демонстрацией оружия. Например, мраморная лягушка, пугаясь, раздувается до невероятных размеров, надеясь впечатлить врага.

—И люди точно так же преувеличивают свои размеры, надувая грудь при встрече с соперником,—подметил Виктор Дольник.—Особенно важно подчеркнуть свой ранг военным. Чтобы быть все время «поддутыми», они шьют себе специальные кители со слоем ваты на груди.

Как правило, во время стычки один из противников начинает пасовать. Его страх становится сильнее злости. И тогда он быстренько прячет зубы, когти, приглаживает вздыбившуюся шерсть и принимает смиренно-униженную позу.

В переводе на человеческие повадки это значит выбросить белый флаг и начать с противником переговоры о возможных условиях капитуляции. Хорошо бы еще принять как можно меньшие размеры, чтобы не пугать больше победителя, а, наоборот, сигнализировать ему: «Я маленький, нестрашный, безоружный и полностью в твоей власти». Страх при виде этого жалкого зрелища покидает победителя, а вместе со страхом исчезает и агрессия. Многие животные падают на землю и переворачиваются брюхом вверх. Обезьяны принимают позу подчинения, подставляя триумфатору свой зад. Люди опускают голову, падают на колени и, наконец, валяются в ногах.

В большинстве случаев это поведение помогает сохранить побежденным жизнь.

В животном мире военные действия ведутся до тех пор, пока одна из сторон не добьется своего—к примеру, не вытеснит чужака за пределы своей территории. Ни цели убить, ни отомстить животное не преследует.

НЕОБХОДИМАЯ ЖЕСТОКОСТЬ

Конечно, природная мораль с запретом на применение смертельного оружия срабатывает только в случае внутривидовых войн. В случае же межвидовых войн между конкурентами никаких запретов нет, и животные дерутся до полного и окончательного уничтожения противника, занимающего одну экологическую нишу. Такие войны идут десятилетиями—к примеру, волк давит лису, а рысь—мелких кошачьих не для еды, а ради конкуренции.

Ближе всех к человеку по склонности к насилию находятся бутылконосые дельфины афалины, которых мы привыкли считать мирными, добродушными и одухотворенными существами. Однако, как установили специалисты британского Департамента по вопросам защиты окружающей среды, питания и сельского хозяйства, эти приветливые существа на деле являются безжалостными и хладнокровными убийцами, способными убивать просто так, ради забавы. Ученые, осмотрев туши более 60 морских свинок и других китообразных, выкинутых прибоем этим летом на пляжи северо-восточного побережья Шотландии, пришли в ужас—на телах обнаружили многочисленные повреждения, переломанные позвончики, разорванные легкие и глубокие порезы, оставленные острыми зубами дельфинов. Причем, как подмечают биологи, агрессия со стороны бутылконосов не имела никаких видимых причин: во-первых, афалины не едят морских свинок, во-вторых, морские свиньи не могут соперничать с афалинами в добывании пищи, так как их рационы не совпадают.

—Судя по всему, дельфины убивают их просто так, потому что им скучно,— считает зоолог Ник Трэдженза.—Как очень многие высокоразвитые животные, дельфины многое делают из любопытства.

Кроме того, считает ученый, следует помнить, что афалина—это активный морской хищник, практикует групповой метод охоты. Например, стада дельфинов могут согласованно загонять косяки рыб на мелководье и удерживать их там в течение нескольких недель. Иногда в море встречаются и настоящие банды самцов-холостяков, которые целенаправленно и организовано нападают на другие стада дельфинов с целью овладеть какой-нибудь самкой. Отбитая дельфиниха становится настоящей «наложницей» банды, и каждый из самцов считает вправе совершить с ней половой акт.

ПРОФЕССИОНАЛЫ ЗВЕРСКИХ ВОЙН

У каждой войны есть официальная

причина. По крайней мере, всегда есть повод к военным действиям. В животном мире, как и в человеческом, чаще всего началом конфликта служит нарушение чужой границы.

Существует множество способов обозначить для всех потенциальных конкурентов, что данный участок имеет хозяина и что попытка отобрать его не пройдет даром. Например, млекопитающие метят границы территории, а птицы обозначают занятость участка пением самцов.

Да и сама граница—не линия с пограничными столбами. Обязательно есть приграничная зона—своего рода буфер, нейтральная полоса, на которой соседи не охотятся во избежание конфликта.

—Как раз по этой причине в таких буферных зонах образуются царства травоядных—для них это наиболее безопасная территория,—говорит Андрей Тупикин.—Но рано или поздно голод заставляет стаю хищников отправиться на охоту на нейтральную полосу. И если, транспортируя добычу на свою территорию, хищники встретятся с соседней стаей, то конфликт станет неизбежным.

У некоторых видов животных есть даже профессиональные солдаты—например, у термитов охрану гнезда осуществляют самые крупные особи с непропорционально большой головой, снабженной мощными челюстями-жвалами. А некоторые виды термитов имеют воинов, вооруженных кислотой, в которой обрызганный враг застывает, как в клее «Момент».

У павианов тоже защитники—особая группа в стае. Даже без всякой угрозы с места на место стая переходит организованным походным строем—внутри группы доминантные самцы (самое ценное), самки с детенышами и чуть подросшие малыши. Замыкают шествие самостоятельные взрослые обезьяны, а впереди, авангардом, выступают субдоминанты. Чуть сзади идет арьергард—обезьяны третьего ранга, а если и этого недостаточно для полного обзора территории, то выделяются еще одна или две группы боковой охраны.

—Человек унаследовал эти программы коллективной защиты от врага и прочих опасностей с помощью мужской части группы, соподчиненной между собой жесткой пирамидальной иерархией и способной принимать несколько форм построения, маневрировать и взаимодействовать,—рассказывает Виктор Дольник.—Если павианы встречают на своей территории чужака, они изгоняют его. Предки человека, видимо, тоже жили территориальными группами, и для них война за свою землю была неизбежной—со всеми последствиями, включая воинственные инстинктивные программы. Заметим, что дети начинают играть в войну с младенчества, и учить их этому не приходится. А подростки ведут между собой территориальные войны почти всерьез.

Так же как и остальные территориальные животные, человек менее уверенно себя чувствует на чужой территории—включается древний запрет «прав тот, кто защищает свою территорию». Видимо, поэтому невозможно выиграть партизанскую войну—партизаны точно у себя дома, армия же противника теряется в чужой стране. Именно пограничные войны ведутся у людей с большим соблюдением правил. Хотя и конфликтов на приграничных землях больше.

Человечество, как и все животные, воевало с самых первых дней своего появления на свет. Глава государства, как его древний пращур, может предупреждающе скалить зубы, а заместители в собственной стране, а иной раз и другие страны—принимать на всякий случай позы подчинения. Будут меняться победители, и в некоторых случаях победа достанется не кровью, а демонстрацией когтей. Беда в том, что люди изобретают против себе подобных такие когти, разрушительную силу которых однажды не смогут сдержать ни инстинкт, ни разум.